

26. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

27. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

28. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2881.

29. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1). Принят постановлением Госстандарта РФ от 6 ноября 2001 г. № 454-ст «О принятии и введении в действие ОКВЭД» // Справочная правовая система «Гарант».

30. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Часть 1. Ст. 3.

31. Путинский Б. И. Коммерческое право России. М.: Юрайт, 2000. 314 с.

*Елена Сергеевна МИТРЯКОВА —
помощник судьи
Федерального Арбитражного суда
Западно-Сибирского округа*

УДК 347.6 (470+571)

ЭМБРИОН КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. Автор, рассматривая проблему определения правового статуса эмбриона, делает вывод: поскольку эмбрион не обладает правосубъектностью, его следует рассматривать как предмет правоотношений. Предлагает закрепить в Гражданском кодексе РФ, что человеческие эмбрионы могут выступать предметом договоров в случае признания их вещами.

The author tackles the problem of definition of embryo's legal status and makes the conclusion that embryo should be regarded as an object of legal relationships. The author recommends fixing in the Civil Code that embryos like other things can be the objects of contracts.

На данный момент нельзя с уверенностью ответить на вопрос о том, воспринимает ли право идею существования эмбриона как субъекта правоотношений или рассматривает его исключительно как предмет правоотношений.

В Федеральном законе «О трансплантации органов и(или) тканей человека» эмбрионы упомянуты в качестве разновидностей органов человека, имеющих отношение к процессу воспроизводства человека. Причем в ст. 2 вышеуказанного Закона сказано, что его действие не распространяется на такие органы. Тем самым закон выделяет эмбрионы из общего списка органов человека, имея в виду (в данном случае) специфику их правового статуса.

Стоит упомянуть, что помимо эмбрионов, к числу органов, на которые не распространяется закон о трансплантации, относятся сперма, яичники и яички. Однако если последние действительно являются частями органов человека, то эмбрион не может быть отнесен к таковым, поскольку представляет собой зародыш новой жизни, это уже новый, индивидуальный мини-организм, обладающий своими собственными органами.

По мнению А. В. Майфата, в эмбрионе заложены все основы жизни, собственно, это уже и есть жизнь [1]; однако эмбрион — это лишь начало жизни, а не человек, так как он не обладает правоспособностью.

В отечественной юриспруденции в последнее время все чаще высказывается мнение о необходимости принятия соответствующего законодательства [2].

Право на жизнь, бесспорно, относится к числу естественных неотчуждаемых прав человека. Момент возникновения права на жизнь, точка отсчета правосубъектности, временной отрезок происхождения индивидуума очень важны для правовой науки в целом и для ее отраслей — уголовного и гражданского права [3].

По мнению некоторых авторов, отношение права к статусу эмбриона должно строиться на основе признания того факта, что *эмбрион является не только частью человеческого организма, но и началом новой жизни, что и должно определять подходы к созданию соответствующего правового режима всех стадий жизнедеятельности эмбрионов — от «создания» и хранения до имплантации.*

Вопрос о том, что следует считать началом жизни человека, чрезвычайно сложен. Спектр мнений по этому поводу среди российских авторов чрезвычайно широк. Одни считают имплантацию эмбриона в организм женщины моментом зарождения новой жизни. Другие связывают этот момент с формированием нервной системы зародыша или с первым проявлением мозговой деятельности. Для авторов древности было бесспорно, что зародыш считается человеком с начала шевеления в утробе матери [4].

По мнению Н. Клыка и В. Соловьева, представляется возможным усовершенствовать содержание ст. 17 ГК РФ, а именно — закрепить такое социально-юридическое свойство, как *относительная правоспособность*, за эмбрионом, что диктуется прежде всего необходимостью его защиты, в частности, при принятии женщиной решения об искусственном прерывании беременности, о применении эвтаназии к абортированному жизнеспособному ребенку.

Авторы считают, что использование правовых конструкций вещного права, права собственности в отношении человеческого материала противостоит естественному, так как от решения этого вопроса зависит «оборотоспособность» отделяемых частей человеческого тела. В случае признания эмбрионов вещами, по их мнению, можно будет вполне легально заниматься их куплей-продажей, дарением, поскольку, будучи вещами, они становятся особого рода объектами права собственности человека.

Исходя из анализа российского законодательства, человеческая жизнь начинается с момента появления ребенка на свет. Именно с фактом рождения ребенка связано возникновение прав и свобод. Об этом сказано в п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью».

Таким образом, закон не признает правоспособным эмбрион человека, то есть не придает ему статус субъекта права.

Вместе с тем такой подход российского законодательства к статусу эмбриона не вполне согласуется с рядом норм международного права.

Прежде всего следует обратить внимание на преамбулу Конвенции о правах ребенка (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года), согласно которой государства-участники Конвенции, в том числе Россия, принимают во внимание, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, *как до, так и после рождения*» [5].

Законодательство ряда стран предусматривает возникновение правосубъектности у человеческого эмбриона при условии, что он родится живым [6].

Данная точка зрения о правоспособности эмбриона имеет достаточно глубокие исторические корни. Еще в источниках римского права встречаются нормы, приравнивающие зачатого ребенка к уже рожденному субъекту права при наличии двух условий. Во-первых, зачатый ребенок должен родиться живым. Во-вторых, признание гражданской правоспособности за зачатым ребенком должно соответствовать его интересам [7].

В Гражданском кодексе Российской Федерации предусмотрено право наследодателя оставлять завещание не родившемуся, но уже зачатому ребенку.

Статья 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации зачатых, но не родившихся детей относит к категории «лица», статьи 1163 и 1166 Гражданского кодекса Российской Федерации называют их наследниками, а не плодом или частью материнского организма [8].

Однако данный нормативный акт нельзя в полной мере назвать признающим правосубъектность эмбриона [9], поскольку предполагается, что ребенок будет обладать определенными правами только после своего рождения, и условием реальной правоспособности в любом случае будет рождение ребенка живым. В данном случае закон лишь гарантирует охрану будущих прав человека — тех прав, которые возникнут у него в будущем, в случае рождения живым. Таким образом, признавая эмбрион наследником, законодатель имеет в виду, что право на наследование возникнет у него в случае рождения живым [10].

По этому поводу пишет и М. Н. Малейна: «Несмотря на то, что зачатый ребенок в будущем может стать субъектом права, вряд ли следует рассматривать его в качестве обладателя правоспособности и другими правами еще до рождения. Субъективные права могут возникнуть лишь у реально существующего объекта» [11].

Плод, находящийся в утробе матери, независимо от срока его развития рассматривается российским законодателем в качестве физиологической части ее организма, которым она вправе распоряжаться по своему усмотрению. Это означает, что законодатель относится к эмбриону как к системе клеток, тканей и органов, составляющих часть женского организма, то есть прежде всего как к предмету (отсюда вытекает, что его можно продавать, уничтожать и т. д.). Если бы законодатель относился к эмбриону как к субъекту правоотношений, признавая его особой частью человека, нуждающейся в защите, то были бы запрещены любые манипуляции с эмбрионами, начиная с аборт и редукции и заканчивая перенесением в тело суррогатной матери. Исходя из этого, следует прямо закрепить в Гражданском кодексе РФ, что человеческие эмбрионы могут выступать предметом договоров в случае признания их вещами.

Но, очевидно, эмбрионы следует отнести к объектам особого рода или к объектам, ограниченным в обороте, то есть они смогут принадлежать лишь определенным участникам оборота (генетическим родителям), либо их нахождение в обороте будет допускаться по специальному разрешению.

Если эмбрион не будет обладать статусом вещи, на него не может распространяться ответственность за причинение вреда имуществу [12]. Лишь придание эмбриону статуса вещи особого рода поможет исправить положение. Право на эмбрион, по мнению С. С. Шевчука, следует признать не за донорами используемого биологического материала, а за женщиной, в организм которой должен быть перенесен эмбрион; за ней и необходимо закрепить право на его защиту [13].

Несмотря на то, что законодательно эти положения не закреплены, на практике вовлечение эмбрионов в гражданский процесс становится объективной реальностью и игнорировать этот факт невозможно.

Если же законодатель не признает эмбрионы вещами, то тогда и все отношения, связанные с их имплантацией, нельзя будет регулировать Гражданским кодексом, он будет лишь защищать эти отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майфат А. В. «Суррогатное материнство» и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе Российской Федерации / А. В. Майфат // Юрид. мир. 2000. № 2. С. 29.

2. Ковалев М. И. Правовые вопросы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека. / М. И. Ковалев. Екатеринбург, 1996. С. 70.
3. Радченко М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук.
4. Шевчук С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С. С. Шевчук // Юрист. 2002. № 9.
5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
6. Голышева Л. Ю. О правовом аспекте происхождения ребенка вследствие искусственных методов репродукции / Л. Ю. Голышева // Совершенствование методов управления социально-экономическими процессами и их правовое регулирование: тезисы докладов науч.-практ. конф. (1; 18-19 мая 2000; Ставрополь). Ставрополь, 2000. С. 105-107.
7. Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском праве и семейном праве. Рига. 1975. С. 184.
8. Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка / Н. И. Беседкина // Государство и право. 2006. № 4. С. 60.
9. Романовский Г. Б. Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? / Г. Б. Романовский // Юрист. 2001. № 11. С. 48-51.
10. Чернега К. А. Некоторые правовые аспекты искусственного прерывания беременности (аборта) / К. А. Чернега // Гражданин и право. 2002. № 9-10.
11. Малеина М. Н. О праве на жизнь / М. Н. Малеина // Государство и право. 1992. № 12. С. 56.
12. Григорович Е. В. Гражданско-правовая ответственность при использовании искусственных методов репродукции / Е. В. Григорович // Юрист. 1999. № 10. С. 63.
13. Шевчук С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С. С. Шевчук // Современное право. 2002. № 1.

*Алексей Владимирович ЛУКЪЯНЕНКО —
аспирант кафедры трудового
и предпринимательского права*

УДК 347.214.2.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК КАК ОБЪЕКТ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Анализируются легальное, доктринальные определения земельного участка, исследуются цивилистические характеристики земельного участка как объекта права пользования, формулируется собственная дефиниция.

The author considers doctrinal definitions of the plot of land, the main civilian-law characteristics of it as an object of the right to use, and formulates his own definition.

История юридической мысли последних лет свидетельствует о стремлении понять сущность и характерные черты такого объекта прав, как земельный участок.

Юристы-аграрники на первое место выдвигают роль и значение земли как природного объекта, который, по существу, является общенациональным достоянием, а ее использование и охрана должны соответствовать в первую очередь природно-экологическим требованиям и общественным интересам.

Так, А. А. Забелышенский отмечает, что основная социальная ценность земли не в формах собственности на нее, а в ее полезных свойствах в качестве объекта природы и хозяйствования (пользования). Земля является имуществом особого рода, экономико-экологической категорией. Главное в регулировании земельных отношений, по мнению ученого, не участие земли в гражданском обороте, а обеспечение наиболее рационального использования и охраны земель [1].